

Николай Коновской — поэт сокровенный. Не только потому, что тихо и прикровенно существует в русской литературе, не привлекая к себе лишнего внимания, не предпринимая никаких пиар-кампаний в пользу собственной поэзии... Сокровенно, несказанно, прежде всего, то, о чём он пишет. Его глубокие неторопливые смыслы прорываются в слова, будоражат восприятие читателя, заставляя его смотреть на мир глазами поэта, и вместе с тем как бы остаются за гранью слова... Вот-вот, и скажется нечто удивительное и неизвестное... Но нет, глубинное, сокровенное так и остаётся не сказанным:

*О бедность и скудость — суровая правда земли! —
И гул затаённый, едва различимый вдали
Соснового бора!
А всё-таки стоит, пусть даже мучительно, жить,
Когда в отдалённом безмолвии чайка кружит,
Да блещут озёра...*

*И время само замедляет стремительный ход
Под кровом, где медленно-медленно-медленно служба плывёт
Дыханьем надмирным,
Где ветры поклоны за стенами истово бьют,
И кроткие сёстры хваленье Творцу воздают
Распевом старинным...*

Николай Коновской владеет и словом, и смыслом, и смыслы сказанного в его стихах многогранны и многозначны. Зачастую муза Николая Коновского сознательно замолкает на полуслове, как в стихотворении об оптинской старице Сепфоре. Когда-то поэту удалось прикоснуться к чуду святости, и он пытается щедро поделиться им с читателями, проводя их вслед за собой в келью старицы: “Слаба была уж матушка, глаза // Её уже совсем не различали // Предметов мира, человеческих лиц, // Но милосердный даровал Господь // Ей зрение духовное, и тот // Смиранный угол, где она сидела, // На палочку склонившись, озарялся // Каким-то тайным несказанным светом // И тонким ароматом благодати”. Вот тут-то и зажигается читательское сердце неумолимой жаждой продолжения: “А что Сепфора? О чём она сказала? Что поведала?” Но поэтическое повествование неожиданно и резко заканчивается:

*А перед смертью матушки мне сон
Приснился ночью, только вот его
Я толковать не смею...*

Николай Коновской принадлежит к числу тех немногих счастливых поэтов, которые искали сокровище и нашли его. Начиная в молодости как трепетный и глубокий философский лирик, обращающий на себя внимание глубиной смысла и умением передать непередаваемый трепет живого — дыхание ветра, скольжение лучей по листе, трепыхание крыльев бабочки, неувлимые смены освещения и настроения, — зрелый Николай Коновской, не оставивший своей основной поэтической линии, сумел придать ей другую высоту: он дерзнул стать поэтом христианским. В чём и судьба, и веяние времени, и закономерный плод поэтического развития, поскольку, если мы станем искать, из какой почвы выросло поэтическое древо Николая Коновского, нам, конечно же, придётся вспомнить о любомудрах. А какие любомудры без христианства? Вот они-то — от Тютчева до Хомякова — и вели Николая Коновского за руку к Свету Христа, заставляя хранить строгость строки и не давая душе разменять себя на броские сиюминутные заблуждения. Ещё в истоках поэзии Николая Коновского ясно слышатся и прозрачный и трепетный Фет, и Бальмонт с его несказанностью и вечным желанием передать невыразимое. Бальмонтовскую “Безглагольность”: “Есть в русской природе усталая нежность, // Безмолвная боль затаённой печали, // Безвыходность горя, безгласность, безбрежность, // Холодная высь, уходящие дали”, — во многом можно поставить эпиграфом к лирике Николая Коновского, замороженного красотой русской природы и пытающегося за неброской красотой среднерусского пейзажа разглядеть душу России. Коновской много занимается поэтическими переложениями — святых отцов, псалмов Давида — и к созданию душеполезных, но всё же не совсем авторских текстов относится с большой ответственностью. Но какой свежестью и новизной, каким неисчерпаемым чудом жизни дышат его собственные авторские стихи! И, как ни странно, особенно остро ощущаешь это после вынужденно сдержанных и оправданно отстранённых переложений. Нет, чуда разговора с живой душой не заменить ничем, как ничем не заменить на этой земле личного творчества. Казалось бы, против такого утверждения свидетельствует духовный опыт самого автора — Коновского-паломника, которого “Отец // Гурьянов Николай благословил // На творчество, помазав пред иконой // Священным маслом Иерусалима”, а вот архимандрит Кирилл “сказал: “Что людям невозможно — // Возможно Богу то, и что стихи // Писать не надо — зряшное то дело...” Вместе с Николаем Коновским не дерзну и я как-то трактовать разноречивые утверждения наших старцев — дальше простирается священная область молчания. Но, как человек грешный и земной, всё же позволю себе восхититься чудом человеческой души, явно возникающим в каждом авторском стихотворении поэта. Что здесь? Любование красотой мира. Но, следя за чудом впитывающей Божий мир человеческой души, как-то просто и ясно понимаешь, почему тайна спасения — это тайна личности.

*Взлетает с добычей, на землю стремительно пав,
Распластанный хищник. Дурманит полуденных трав
Разлитая вечность.
С дерев поднебесных янтарная каплет смола,
И бабочка — диво! — порхает, легка и светла, —
Святая беспечность.*

*Скажи: эти травы, и птицы, и бархатный шмель
В пространствах грядущих надмирных всего лишь — ужель! —
Созвездия праха?..
А милая гостья в стозвонной медовой глуши
На камень холодный моей безотрадной души
Садится без страха...*

Всего-то — бабочка пролетела. Всего-то — протрепыхали невесомые крылья мгновенного радужного существа. Но как ясно видна наблюдающая за ней

человеческая душа, как напряглись и заиграли её струны, натянутые от земли до Неба! Многие в стихах Коновского создаётся сложным и выверенным синтаксическим рисунком, внутренним ритмом, идущим поверх ритма внешнего. Вот этим, на первый взгляд, словесным излишеством “Всего лишь – ужель! – // Созвездия праха” и держится стихотворение. Но именно это “Всего лишь – ужель!” и позволяет не прочитать мастерское и выверенное описание, а увидеть само трепетное и неуловимое движение крыльев бабочки, что в поэзии – большая редкость. А прочитав эту небольшую лирическую миниатюру, хочется повторить знаменитые слова гётевского Фауста: “Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!”

С поэзией Николая Коновского я знакома давно. Николай всегда обращал на себя внимание скромностью, неторопливой вдумчивостью и очень серьезным, обязательным отношением к творчеству. Николай Коновской не гнался за сиюминутным. Он тихо делал своё дело. И произошло то, что по нашим непростым для поэзии временам можно назвать чудом: Николаю Коновскому удалось выжить и состояться как самостоятельному, значимому, глубокому и ни на кого не похожему поэту. А это значит, что его дорога неутомимого паломника и искателя Небесной благодати и благодати земного слова и земной поэзии была верной.